

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

УДК 330.1

Т.И. Коломиец**ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ ФАКТОР РЕАЛИЗАЦИИ
ИННОВАЦИОННОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ РАЗВИТИЯ
РОССИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

На основе теории «диффузии инноваций» базируется концепция формирования «точек роста», имеющих территориальную локализацию. Высказывается гипотеза неравномерности вызревания территориальной инновационной среды, формирующей центры инновационной активности на уровне регионов и кластерно-сетевых структур межрегионального характера, что обеспечивает саморазвитие территорий и формирует условия экономического роста.

Ключевые слова: *инновационная среда, инновационный кластер, реализация инновационного потенциала.*

Реальная перестройка системы отношений центральных, региональных и местных органов управления и самоуправления произошла в последней трети XX в. на территориях государств Евросоюза и группы постсоциалистических стран. Она по целому ряду признаков соответствовала усилению тенденций, отмеченных еще Альфредом Вебером в своих главных трудах, посвященных теории размещения промышленности. Речь идет о вкладе в развитие общего принципа организации жизнедеятельности государств и народов, который основан на отказе от прежних форм соперничества властей, несущих в себе войну как продолжение мирной политики, и замене свободной конкуренции в мировой политике принципом кооперации. Автору удалось также предвосхитить концепцию «пределов роста» представителей Римского клуба и проблематику современной глобалистики. В мире действительно был продолжен поиск форм совместного решения проблем и формирования институтов, адекватных тенденциям глобализации и регионализации, а наметившийся кризис системы отношений, сложившихся в Европе еще в конце XIX – начале XX в., обнаружил тенденцию к развалу Евросоюза и обусловил появление новых межстрановых экономических и политических альянсов. Их необходимость усиливается сегодня вступлением мировой экономики в реалии нового технологического уклада, открытиями в геномной инженерии, информационной революцией, изменениями в системе коммуникативных взаимодействий, когда экономики ИРС находятся на новом витке постиндустриального движения с высоким инновационным потенциалом.

Умение выстраивать совместную согласованную политику поддержки и управления потоками ресурсов требует выработки системы равного доступа к эффективным информационным технологиям, которая в мире в целом сего-

дня отсутствует. Оставаться пассивными в мировой конкуренции за внедрение наиболее экономичных ресурсоемких технологий, основанных на использовании растущего инновационно ориентированного человеческого потенциала, означает потерю темпов и качества роста для большинства населения планеты, оттесняемого на периферию мирового прогресса.

Для претендующей на роль мирового лидера страны, каковой является РФ, вопросы экономической безопасности и социально-экономического развития являются наиболее острыми и злободневными. Полагаем, что это, по крайней мере, вопросы наличия и дефицита имеющихся ресурсов и вопросы стимулов к преобразованиям и развитию, которые демонстрируют основные хозяйствующие субъекты, а также проживающее на территориях население. В процессах глобальной конкуренции капиталов роль государства, а также крупного и малого бизнеса в процессах обновления производственных мощностей и внедрения новых технологий и ресурсов резко обостряется. Однако большая часть выпускаемой в РФ высокотехнологичной продукции продолжает оставаться скорее усовершенствованной или просто современной, но никак не радикально новой. И это несмотря на то, что при использовании достижений российской фундаментальной науки в прошлом было обеспечено более половины прироста мировой экономики ИРС. Продолжает увеличиваться разрыв между спросом на высокотехнологичную продукцию и наличием эффективных мощностей для ее производства, а предприятия почти всех отраслей экономики в Российской Федерации предпочитают закупку готового оборудования вложениям в инновации.

По поводу отсутствия спроса на инновации со стороны бизнеса существуют заслуживающие внимания и весьма серьезные исследования причин явления, порожденного перестройкой системы связей, сложившихся в плановой экономике России с последовавшим разрушением механизмов взаимодействия основных участников системы инновационных разработок и внедрения новых технологий и процессов. Новая система, основанная на использовании как рыночных, так и государственных механизмов участия бизнеса в инновационной деятельности, не сформировала эффективных механизмов мотивации, породив отвергающий инновации хозяйственный порядок. Альтернативные пути извлечения прибыли, которые способны приносить большую отдачу, чем вложения в инновационный проект, активно используются бизнесом. Конкуренция за новую технику и технологии как важнейший мотив развития бизнеса уступает место конкуренции за источники власти. Наряду с неэффективным инфорсментом прав собственности, на отсутствии ее надежной защиты сказывается общая слабость института власти, проявляющаяся в неспособности обеспечить принуждение к выполнению контрактов.

Нет смысла вкладывать деньги в НИОКР, в разработку и внедрение новой техники и технологии, создание новых продуктов, нести связанные с этим риски, когда такой же доход можно получить альтернативным путем. «Любое продвижение инвестиций через сетевые структуры, в рамках которых действует современный бизнес, тонет в обилии организационных проблем и связанных с ними издержек... При этом величина индивидуального дохода определяется не вкладом в создание добавленной стоимости, не затратами труда,

не квалификацией, а прежде всего местом в управленческой иерархии компаний», – отмечают авторы [1. С. 49].

В качестве препятствий для инновационной деятельности сами предприниматели склонны рассматривать не столько дефицит денежных средств или недостаток внимания к повышению конкурентоспособности предприятий и продукции, сколько хозяйственные и политические институты общества. «Если «покупка» благоприятного экономического окружения оказывается дешевле, нежели построение более эффективного производства, агенты будут выбирать первое, получая доходы, не связанные с их вкладом в общественное благосостояние. Это приводит к неоптимальному распределению ресурсов, затратам средств на лоббирование и контрлоббирование вместо вложений в исследования и разработки, улучшение бизнес-процессов, профессиональное развитие или дополнительные капитальные блага, что в конечном счете тормозит экономический рост». Таким образом, сущность «парадокса рентоориентированного поведения» правомерно связывается с формированием «предельно высоких в долгосрочном периоде цен продуктов и услуг при минимальных общих издержках, уровень которых систематически сдерживается в рамках краткосрочного горизонта планирования», – отмечает А.В. Ложникова [2. С. 29, 33].

Исследования, проведенные ею и другими авторами, позволили выявить, что извлечение ренты путем занижения издержек на заработную плату при снижении затрат на образование и научные разработки приводило и приводит к отсутствию инвестиций, необходимых для воспроизводства сферы научных исследований и подготовки научно-технических кадров.

Данные официальной статистики подтверждают снижение показателя занятых исследованиями и разработками в РФ на протяжении периода 1995–2010 гг. [3], а также отставание России по показателю внутренних затрат на исследования и разработки (табл. 2) в процентах к ВВП страны от аналогичного показателя развитых государств Европы и Азии [4]. В табл. 1 в интересах исследования выделены показатели занятых НИОКР по двум федеральным округам – Центральному и Сибирскому, в котором, в свою очередь, выделена одна из областей – Томская, имеющая несколько иную, повышательную, по рассматриваемому показателю динамику. Объяснение значения показателя связывается с активной политикой власти и бизнеса, нацеленной на выпуск продукции со все более высокой интеллектуальной составляющей.

Таблица 1

Динамика численности персонала, занятого научными исследованиями и разработками, значение показателя и % к предыдущему периоду

	1995 г.		2000 г.		2005 г.		2010 г.	
	Чел.	Чел.	% к 1995	Чел.	% к 2000	Чел.	% к 2005	
Российская Федерация	1061044	887729	83,7	813207	91,6	736540	90,6	
Центральный федеральный округ	544759	455985	83,7	408330	89,5	381795	93,5	
Сибирский федеральный округ	73886	62477	84,5	60986	97,6	53024	86,9	
Томская область	7602	8037	105,0	8229	102,0	8687	105,0	

Таблица 2

Внутренние затраты на исследования и разработки, % к ВВП страны

	2000	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
<i>Россия</i>	1,05	1,25	1,28	1,15	1,07	1,07	1,12	1,04
<i>Европа</i>								
Бельгия	1,97	1,94	1,88	1,86	1,83	1,86	1,90	1,92
Дания	...	2,51	2,58	2,49	2,46	2,48	2,55	2,72
Германия	2,45	2,49	2,52	2,49	2,49	2,53	2,53	2,64
Финляндия	3,35	3,37	3,44	3,45	3,48	3,48	3,48	3,73
Франция	2,15	2,23	2,17	2,15	2,10	2,10	2,04	2,02
Швейцария	2,53	2,90	3,01
Швеция	3,85	3,62	3,60	3,74	3,61	3,75
Азия								
Израиль	4,32	4,59	4,32	4,26	4,37	4,41	4,76	4,86
Китай	0,90	1,07	1,13	1,23	1,34	1,42	1,44	1,54
Республика Корея	2,30	2,40	2,49	2,68	2,79	3,01	3,21	3,37
Сингапур	1,88	2,15	2,11	2,19	2,27	2,24	2,45	2,68
Таджикистан	...	0,07	0,07	0,07	0,10	0,10	0,06	...
Турция	0,48	0,53	0,48	0,52	0,59	0,58	0,72	0,73
Япония	3,04	3,17	3,20	3,17	3,32	3,41	3,44	3,42

Однако что касается общероссийской динамики затрат на НИОКР, то данные таблиц подтверждают снижение показателей, раскрывающих потенциал России в области научных исследований и разработок, что не замедлило сказаться на постепенной утрате конкурентных позиций, снижении показателей финансового результата, отсутствии для фирм выгодных государственных заказов. К тому же преобладающая в деятельности российского бизнеса рентоориентированная модель поведения, узкий стратегический горизонт планирования и прогнозирования результатов не позволяют рассматривать значительную его часть как серьезных инноваторов. Российский капитал не готов выстраивать согласованную стратегию развития, предпочитая проверенные методы вывода капитала за рубеж усилиям по достижению позиций лидеров в мировой конкуренции за новые технологии.

Согласно источникам, масштабы теневого оборота и утечки капитала в России достигли значительной величины. По свидетельству С. Глазьева, в 2011 г. частным сектором был осуществлен легальный чистый вывоз капитала в размере 40 млрд долл.; нелегальный составил 38 млрд, что не было компенсировано ввозом нерезидентского капитала на уровне 43 млрд долл. Дефицит предложения на ссудном рынке был по необходимости покрыт ввозом «в форме кредитов, что, естественно, генерирует мощные потоки выплачиваемых доходов от иностранных инвестиций: в том же 2010 г. выплаченные доходы составили 86 млрд долл., тогда как полученные, причем в основном государством, – всего 37 млрд» [5. С. 77].

Как уже отмечалось, положение как крупного, так и мелкого бизнеса в России в целом отражает противоречивость самой ситуации, в которой оказались экономика и общество с попыткой внедрения адекватных развивающемуся рынку условий хозяйствования. Их анализ проводился и проводится многочисленными исследователями и коллективами ученых и практиков и требует пристального внимания. Наша задача сегодня видится в несколько иной плоскости, а именно в попытке выстроить теоретические основы складывающихся территориальных и межтерриториальных взаимодействий в

развивающейся экономике России, относящиеся к периоду так называемой «новой экономики», с ее ориентацией на инновационные технологии. В связи с этим следует выяснить, могут ли находящиеся на территориях субъектов Федерации бизнес-структуры, власти, научно-образовательные сообщества использовать заложенный в них потенциал развития, формируя активные инновационно ориентированные точки роста. Ответ на эти вопросы зависит от понимания места и роли регионов в инновационном развитии Российской Федерации, требующем мобилизации всего комплекса ресурсов, которыми располагают и которые необходимо наращивать регионам.

Для России с ее высокой пространственно-территориальной протяженностью следует со всей серьезностью дать объективную оценку и эффективно мобилизовать региональный фактор инновационных преобразований. Тому есть целый ряд причин. Представляется, прежде всего, что территориальную природу имеет сам процесс распространения, т.е. «диффузии» нововведений. Да и равномерное размещение производства и ресурсов не является желательной моделью развития. Напротив, как утверждают авторы, именно «неравномерное размещение является неизбежным свойством любого организованного экономического пространства... Более того, не равномерное, а поляризованное развитие характерно для современного этапа эволюции экономического пространства» [6. С. 41].

Сторонники теории кумулятивной причинной обусловленности (кумулятивного роста) также отстаивают идею связанности явлений, согласно которой выделение инновационного ядра раскрывает растущие или новые «точки роста», подтягивая идеи и инновационные ресурсы к центральному ядру распространения инноваций. Тогда различия в социально-экономическом положении регионов приобретают способность преодолеваться за счет диффузии нововведений. В этом случае развитый регион формирует некий полюс развития, отличающийся большими преимуществами для работающих на его территории предприятий благодаря экономии на издержках, наличию устойчиво высокого рынка сбыта и спроса на продукцию. Концентрация ресурсов в точках роста способствует распространению его влияния на периферию.

Франсуа Перру, французский экономист, автор теории полюсов роста, (один из основоположников теории регионального роста наряду с Торстенем Хагерстрандом, Фридманом Джоном, Иммануилом Валлерстайном), разработанной в начале 1950-х, утверждал, что центры принятия решений и генерирования прибыли («полюса роста») в ходе развития оказывают благоприятный эффект на свою периферию (подчиненные фирмы и территории). В интересах государства все более значимым ресурсом становится не проведение мер макроэкономического стимулирования, а реализация политики создания и поддержки «полюсов роста» и расширения зоны их влияния.

Ряд признаков готовности регионов к преобразованиям в реформируемой социально-экономической системе России действительно присутствует. Между тем реальной самостоятельности регионов пока не существует. А отсутствие реальных гарантий и социальной защиты, о которых много говорится на самых различных уровнях, не позволяет задействовать механизмы экономического роста.

В РФ до крайней степени принижена роль органов местного самоуправления (ОМС). Это обстоятельство являет полную противоположность практике США, где ОМС представляют одновременно и форму государственности. Они имеют собственные компетенции, финансовую базу, систему управления и выполняют функции конечных исполнителей программ и проектов федерального правительства и властей штатов. Это общее для всех развитых федеративных государств положение. Но именно в США ОМС обладают максимальным соответствием полномочий и ресурсной базы. Они отвечают за обеспечение населения всеми видами социальных услуг по установленным социальным стандартам, за соблюдение стандартов предельно допустимого загрязнения, финансируют транспортную инфраструктуру в пределах штата. Нерешенность же проблем на местном уровне в Российской Федерации препятствует осуществлению равных социальных гарантий всего проживающего в регионах населения. При этом создается социальная напряженность, снижаются мотивы высокоэффективной деятельности и нарастает проблема дефицита ресурсов.

Не подвергая сомнению основной тезис теории системных взаимодействий о первенстве эффекта развития целого по отношению к эффектам развития частей, считаем корректным подчеркнуть всевозрастающую роль территорий в повышении потенциала развития Российской Федерации. В частности, речь может идти о вызревании условий инновационного развития при неодинаковой сравнительной характеристике потенциалов инновационных преобразований регионов.

Первое и, возможно, самое важное для последующего анализа – это учет серьезного кризиса в отраслевой и продуктовой структуре экономики государства и регионов, не отвечающей тенденциям модернизации. Старая структура экономики естественным образом приходит в конфликт с запросами новой парадигмы развития, снижая до минимума стимулы к воспроизводству устаревшего продуктового ряда. Предприятия отмирающих отраслей и секторов экономики неуклонно стагнируют, происходит вытеснение молодого контингента рабочей силы в малый бизнес, торговлю и сферу услуг.

Интересные данные представляют результаты мониторинга региональных пропорций развития, проводившихся на материалах статистики 2000–2007 гг. с использованием стандартных методик наблюдения. Они подтверждают: а) продолжающиеся сдвиги в распределении промышленного производства по федеральным округам в пользу Центрального и Северо-Западного, а нефтегазодобычи – в пользу Уральского, наряду с продолжающейся тенденцией к деиндустриализации экономики всех, включая названные, территорий; б) постепенное перераспределение в пользу увеличения доли занятого населения в непромышленной сфере, торговле, гостиничном комплексе, характерное для ЦФО и дающее здесь наиболее ощутимые темпы прироста ВРП; в) радикальное изменение позиций Уральского и Сибирского федеральных округов. Становится наиболее заметной тенденция к расширению базы экономического роста восточных регионов не только за счет традиционных нефтегазодобычи, лесной и деревообрабатывающей промышленности, но и за счет наращивания качества человеческого потенциала, а также кон-

центрации инновационного потенциала и численности населения, занятого научными исследованиями и разработками.

Проведенные нами сопоставления показателей распределения средней численности занятых в экономике по видам экономической деятельности за 2005–2009 гг. подтверждают отмеченные ранее тенденции. Так, по Российской Федерации в целом отмечается снижение в процентном выражении численности занятых по отраслям: сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство, рыбоводство и рыболовство; добыча полезных ископаемых, обрабатывающие производства; производство и распределение электроэнергии, газа и воды; в образовательной деятельности. Остаются неизменными доли занятых в отраслях транспорта и связи, рост намечен в строительстве, оптовой и розничной торговле, включая ремонт автотранспортных средств и бытовых изделий, в гостиничном и ресторанном обслуживании, в совершении операций с недвижимым имуществом, арендой и предоставлением соответствующих услуг, здравоохранении и предоставлении социальных услуг, коммунальных, социальных и персональных услуг, по статье «другие виды деятельности». Представляющий для нас наибольший интерес Сибирский федеральный округ соответствует или близко соответствует выявленным тенденциям. Томская область в составе округа демонстрирует отсутствие снижения по показателю занятых добычей полезных ископаемых (2,0% в 2005 и 2,2% в 2009 гг. соответственно), снижение занятых в сфере образования (на 0,6%) и в здравоохранении и предоставлении социальных услуг (на 0,2% за период).

Выстраивание рейтингов, отражающих ресурсные потенциалы регионов РФ, не позволяет получить однозначные выводы для их оценки, но дает возможность со всей определенностью заявить о наличии «скрытого» характера развития сибирской экономики. Он складывается как результат того, «...что экономический рост базируется преимущественно на использовании имеющегося производственного потенциала и слабо связан с использованием факторов, обеспечивающих качество роста, таких как человеческий капитал и инновационный потенциал» [7. С. 242].

Есть неожиданные выявленные взаимосвязи. Так, обнаруживается, что в группе областей СФО в составе Кемеровской, Томской, Омской и Красноярского края «высокий уровень производственного показателя сочетается с высокими инвестициями в основной капитал», что является логичным; однако в Томской области и Красноярском крае «уровень налоговых отчислений сравнительно превышает уровень привлеченных инвестиций», причем «...на денежные доходы населения производство оказывает меньшее влияние, чем инвестиции в основной капитал» [8. С. 52]. Тем не менее авторы обнаруживают сосредоточение на территориях Уральского и Сибирского федеральных округов потенциалов инновационных разработок, концентрацию отраслей науки и научного обслуживания. Новые отрасли в этих условиях могут получать и новые, дополнительные стимулы к развитию. Однако собственных усилий территорий и бизнеса в этих условиях может быть недостаточно для обеспечения подъема в ряде новых производств, чтобы реально изменить отраслевую и территориальную структуру экономики, обеспечивая решение проблем потребительского спроса и занятости.

Второе. Для достижения новой точки равновесия экономика должна пройти этап вытеснения старых технологий новыми технологическими продуктами, услугами, формами организации процесса управления, создающими новые стимулы к организации и принятию нововведений в смежных и сопряженных отраслях. Иными словами, должна быть реализована стратегия диффузии инноваций, являющаяся важнейшей формой инновационной динамики.

Инновации или новшества различной объектной природы (идея нового продукта или услуги, технологии, организации деятельности по их созданию и управлению процессом создания и внедрения, методика получения научного знания о различных областях практической деятельности объекта, включая знания о возможностях создания продуктов с новыми заданными свойствами и т.д.) способны распространяться в обществе с большей или меньшей степенью интенсивности. Принимающие инновации субъекты различаются по степени восприимчивости к нововведениям, которых в соответствии с исследованиями Э. Роджерса принято разделять на категории новаторов, ранних последователей, раннее и позднее большинство, а также отстающих.

Ранние исследователи процесса диффузии инноваций, включая французского ученого-правоведа и социолога Габриэля Тарда (работа «Законы имитации» была написана им в 1903 г.), обнаружили, что восприятие инновации людьми происходит с неодинаковыми мотивацией и скоростью. Э. Роджерс, в частности, определил различные категории принимающих инновации как «распределение индивидов в рамках социальной системы на основе их восприимчивости к инновациям».

Всеобщая теория обучения разрабатывалась в 1960-х гг. Альбертом Бандура с использованием принципов психологии через призму таких понятий, как символическое моделирование, убеждение, социальное побуждение и мотивация. «Процесс распространения инноваций, – отмечает он, – определяется тремя основными событиями: (1) индивид узнает об инновации, (2) индивид принимает инновацию или новое поведение, (3) индивид взаимодействует с другими индивидами в системе социальных отношений, убеждая их принять инновацию или поддерживая их собственное решение о ее принятии» [9]. Этот процесс, таким образом, осуществляется через взаимодействие индивидов и социальных групп, обеспечивающих передачу информации об инновациях, т.е. в системе территориальных (региональных) межсубъектных коммуникаций.

В современном обществе принято разделять такие понятия, как «трансфер технологий» и «диффузия инноваций», поскольку исследователи утверждают, что у данных процессов принципиально различные объекты. Так, массовое распространение материализованных знаний в виде новых продуктов или технологий, полученных на предыдущих этапах инновационного процесса, среди участников социальной системы имеет непосредственное отношение к диффузии инноваций, в то время как коммерческий и некоммерческий трансфер технологий имеет в качестве объекта знания и информацию, полученные на этапе НИОКР, а не конкретные материализованные новые технологии или новые продукты. С этим трудно спорить, поскольку подготовка к коммерциализации и непосредственно коммерциализация процес-

сов движения продуктов нового знания имеют конкретные цель и задачи, отличные от потребительского признания и последующего восприятия новых условий жизнедеятельности социума. Однако процессы связаны, подталкивая и стимулируя друг друга, как взаимосвязаны процессы производства и потребления нового продукта и технологий. Более того, в поиске институциональной среды, благоприятствующей как процессам диффузии, так и коммерциализации технологий и знаний, возникших на этапе НИОКР, мы неизбежно наталкиваемся на необходимость оценки мотивов, исходящих из природы рыночного и государственного регулирования процессов социально-экономической природы.

Процессы диффузии в основе имеют совокупность условий, которые придают им скорее характер самоорганизации, хотя и могут усиливаться под воздействием СМИ, рекламных агентств, деятельности торговых сетей, представительств, неформальных социальных контактов. В не меньшей степени эти внешние и внутренние воздействия испытывают на себе процессы подготовки к внедрению и внедрения самих результатов НИОКР в ходе системных усилий по организации продвижения новых технологий и продуктов на рынок. Последние нуждаются в продуманной системе мер со стороны государства, бизнес-сообществ, образовательных и научных учреждений. Формирующаяся инновационная среда модифицирует не только процессы самоорганизации при реализации условий диффузии, но и процессы коммерциализации, сообщая им новые стимулы, активизируя усилия участников и повышая статус инновационной деятельности.

Организация и самоорганизация процессов трансформации нововведений, имеющих как характер диффузии, так и являющихся следствием направленных усилий по коммерциализации технологий, территориально локализованы. Это значит, что территориальные различия исходных условий развития, претерпевшие изменения вследствие реформирования экономики не только на уровне государств, но и регионов, создают различные возможности по реализации инновационных потенциалов на уровне Федерации и ее субъектов.

Естественно поэтому появление теорий, исследующих распространение инноваций за пределы центров первичного размещения, вызванных специфической исходных условий развития.

Третье. Инновации получают распространение по территориям, захватывая все новые области, проникая в деятельность предприятий и отраслей с соответствующей аллокацией ресурсов. Теория диффузии инноваций приобретает, таким образом, территориальный аспект, связанный с деятельностью Торстена Хагерстранда, шведского ученого-географа (1916–2004). Большое влияние имели идеи автора, представленные в работе «Прогнозирование инноваций», датированной 1952 г. Идеи Хагерстранда были широко восприняты как в экономической, так и в социальной географии, и наряду с работами Перру и Фридмана легли в основу ряда программ региональной политики и многочисленных теорий регионального роста, появившихся в 1970–1990-х гг. Т. Хагерстранду принадлежит идея о том, что распространение инноваций по территориям имеет решающее значение в развитии отношений центра и периферии.

Можно и нужно различать центры и периферию в самих процессах зарождения и дальнейшего распространения нововведений, при которых, помимо столичных, обладание статусом центров первичного сосредоточения инноваций может быть прерогативой иных, географически отдаленных от столиц, территориальных субъектов экономической динамики. «Особую роль приобретают размеры и формы территории, численность и размещение населения страны, региона, где адаптируется нововведение. Большую роль при распространении новшеств играют транспортные коммуникации, административные и государственные границы, другие социально-экономические и даже природные рубежи» [10]. Согласно теории «диффузии нововведений» процесс распространения новшеств в регионе происходит волнами. Первая стадия процесса носит название «агломерация» (формирование центра новации, где зарождаются или проходят первичную апробацию нововведения). Вторая стадия называется «диффузия» (радиальное распространение нововведения от центра на полупериферию и периферию, в то время как в центре нововведение затухает). Третья стадия – стадия насыщения (инновация «заполняет» все пространство региона). Диффузия может иметь качества прямого переноса или косвенного воздействия, когда, по определению Р. Туровского, «...территория и связанная с ней культурная группа не принимает явление, однако его появление влечет за собой определенные изменения в доминирующей культуре. Таким образом, диффузия инноваций стимулирует собственный процесс на определенной территории. Этот процесс может быть и негативной реакцией на инновацию, способствующей укреплению традиционной культуры («негативная» диффузия, усиление поляризации в пространственной системе), и трансформацией местной электоральной культуры с определенным «перевариванием» инновации» [11].

Таким образом, процесс диффузии инноваций имеет как общенациональную, так и территориальную локализацию, порождает, как наиболее заметное, явление образования отдельных территориальных и экстерриториальных зон сосредоточения нововведений. То, что получило название «точечных» элементов инновационной системы при отсутствии сложившейся национальной инновационной системы. В ней нет единой инновационной среды, которая должна быть условием адекватного развития связей научно-образовательного сообщества, генерирующего инновационные идеи, инновационно-технологических зон апробации нововведений, бизнеса, выступающего заказчиком и инвестором на рынке инновационных идей и разработок, а также потребителей инновационных продуктов и технологий на общенациональном уровне.

Инновационная система, получающая по мере развития национально обусловленную специфику или национально-территориальное своеобразие, опирается на инновационную среду, складывающуюся на начальном этапе на отдельных территориях субъектов Федерации. Именно территории, отличающиеся различной концентрацией ресурсов, наличием природно-ресурсного, материально-производственного, научно-образовательного, инвестиционно-финансового и инновационного потенциалов, а также управленческих технологий и навыков, создают неформальные предпосылки для концентрации усилий населения, бизнеса и власти в процессах поиска и реа-

лизации инновационных технологий и продуктов. В этом случае дифференциация исходных условий развития различных территориальных общностей, с их различиями в условиях реализации инновационных потенциалов участников, может послужить мобилизации инновационного потенциала субъектов «новой экономики».

Четвертое. Инновационная среда является элементом или составной частью так называемого средового ресурса экономической системы, имеющего свой собственный жизненный цикл. Развивая теорию экономических систем с перспективой применения в корпоративном и стратегическом государственном управлении, Г. Клейнер высказывает положение о необходимом улучшении качества средового и объектного ресурсов экономики для преодоления сложившейся дифференциации экономики. «Средовой ресурс страны, – утверждает он, – выражен ее инфраструктурой, отраслями связи, транспорта, системами транспортировки нефти и газа, средствами массовой коммуникации, условиями для формирования каналов перемещения в соответствующих пространствах материальных, финансовых, информационных и других ресурсов. Важной частью средового ресурса выступает институциональное пространство – совокупность формальных и неформальных институтов» [12. С. 93]. Говоря о инновационной среде как об имеющем пространственную локализацию системном ресурсе и солидаризируясь с выводами автора, хотелось бы высказать предположение об отсутствии на территориях такого ее качества, как «экономическая пассивность». Безусловно, проектная деятельность, а значит, и проект как ресурс «абсолютно активны», но территориальная ограниченность выгодных условий инновационной деятельности бизнес-структур, образовательного сообщества и власти придает территориальному фактору инновационной среды качества редкости, порождая эффект сравнительных преимуществ.

На территориях складываются собственные традиции и нормы государственно-частного партнерства, выстраиваются технологические кластеры, считающиеся основой концентрации социального капитала в региональной зоне развития. Успешный многолетний экономический опыт внедрения и развития кластерных структур существует как в традиционных отраслях промышленности (Италия), так и в высокотехнологичных отраслях (например, Силиконовая долина). Повсеместное распространение кластеров рассматривается авторами в качестве главной черты всех высокоразвитых экономик [13].

Институт инноваций инфраструктуры и инвестиций, который в настоящее время специализируется в области оказания консалтинговых услуг федеральным, региональным органам государственной власти Российской Федерации, органам местного самоуправления, а также бизнес-структурам, и фонд «Общественное мнение» провели оценку качества инновационной среды в 68 регионах по итогам 2009–2010 гг. Основаниями для выводов послужили исследования динамики таких показателей, как рынки идей, инноваций, инвестиций, а также инфраструктуры и активности властей в регионах. Были сделаны предварительные выводы о готовности регионов к инновациям, что может свидетельствовать о наличии или отсутствии в них инновационной среды. Высказана гипотеза о том, что инновационных регионов на территории РФ не более 9. Среди них Санкт-Петербург, Татарстан, Москва, Пермский

край, Самарская, Свердловская, Воронежская, Московская (степень готовности от 40 до 59 баллов) и Томская (получившая наивысший балл – 62) области. В 24 регионах, таких как Тверская и Новгородская области, возможности для инновационного развития ограничены, в 40 (например, Ленинградская область и Красноярский край) – отсутствуют. Такие регионы занимают 45% территории страны, производят 28% ВВП, и в них живет 40% населения страны [14. С. 1].

Конечно, применение различных методик способно формировать и различные оценочные параметры, изменяя их в ту или иную сторону. Однако факт создания в Томске инновационной среды подтверждается экспертами не в первый раз и заслуживает, по нашему мнению, пристального внимания и оценки.

С опорой на развитие кластеров принято осуществлять стимулирование инноваций в государствах Европы. «Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2010 г.», утвержденная Правительством РФ № 1662-р от 17 ноября 2008 г., а также современные научные разработки подтверждают, что Россия придерживается скорее аналогичного понимания как самих кластеров, так и их роли в ориентации на долгосрочное социально-экономическое развитие. Территориальные особенности функционирования формируемых институциональных структур и кластеров демонстрируют преимущества интеграции научных, инновационных и производственных предприятий различных типов. На их базе происходит создание локальных институциональных зон для субъектов инновационной экономики, таких как ОЭЗ, т.е. зоны с особым режимом и порядком осуществления инновационной предпринимательской деятельности. Отсюда вытекает сформулированное ниже предложение о том, что «магистральный путь формирования инновационной экономики в России должен включать в себя две важнейшие компоненты: 1) общее развитие промышленного, финансового, человеческого и социального капиталов; 2) создание сети региональных зон роста инновационной экономики (инновационных кластеров)» [13].

Занимаясь выявлением инновационных преимуществ в кластере, Е. Куценко и Д. Тюменцева подтвердили, со ссылками на другие источники, что существует распространение знаний о нововведениях, основанное на личных контактах, концентрирующее заинтересованные предприятия на незначительном удалении друг от друга и порождающее неравномерную в целом аллокацию центров их притяжения в пространстве. «Для осуществления любой... инновации необходимы партнеры-потребители и партнеры-поставщики. И чем радикальнее (и зачастую ценнее) инновация, тем больше, глубже и шире должны быть задействованы другие игроки, особенно потребители»... Даже «венчурные капиталисты, как правило, инвестируют средства в компании, располагающиеся в непосредственной близости от них», – пишут они, упоминая, что бизнес-ангелы работают с фирмами, находящимися в часе-двух езды. А значит, резюмируют авторы, «...для поддержания полноценной инновационной активности предприятия должны размещаться и функционировать в рамках кластера, под которым и понимаются постоянно совершенствующие свои конкурентные преимущества взаимосвязанные орга-

низации, сконцентрированные географически и объединенные общей сферой деятельности» [14. С. 95].

Это улучшает перспективы маркетинговых разработок, мониторинга видов деятельности и приносимого экономического и социально-экономического эффектов, снижения транзакционных и иных издержек, вызванных сокращением цикла внедрения и апробации результатов, использованием привнесенных результатов инновационной деятельности «входящих» фирм. Делается вывод, что «...пребывание вне профильных кластеров подрывает конкурентоспособность... фирм и в конечном итоге – всего региона» [15].

Единым центром или ядром кластера принято считать одно или несколько предприятий, конкурентоспособных на мировом рынке, способных производить качественную продукцию для нужд большинства предприятий кластера и на экспорт. В долгосрочной перспективе такие предприятия способны улучшать конкурентоспособность своей продукции, в том числе за счет реализации ключевой функции инновационной среды по продвижению не только продукта научно-технической деятельности, но прежде всего деятельности инновационной.

Мы уже отмечали, что термин «среда», а тем более «среда инновационная» характеризуется как совокупностью различного рода условий, в которых протекает человеческая (в данном случае инновационная) деятельность, так и совокупностью субъектов, на которых ложится миссия реализации инновационного потенциала конкретного государства и его территорий. Заполняющие национальную, а также региональную (местную) инновационную систему элементы поддерживаются целенаправленной группой институциональных факторов, социально-экономических, правовых, информационных, экологических, культурных условий, мотивационных, экономических и административных компонентов инновационной среды [16].

Совершенно очевидно, что создание инноваций не может ограничиться вложением денежных средств. Невозможно обеспечить инновационное развитие, если нет научной базы, нет развитой промышленности и коллектива менеджеров, если не подготовлены инновационная среда и инновационная инфраструктура. Образование, наука и инновации составляют единое звено становящейся инновационной системы, являясь важнейшими элементами развивающегося инновационного комплекса. Вузы, помещенные в инновационную среду, с необходимостью формируют продукты науки, востребованные рынком, причем не только отечественным, но и общемировым.

Итак, инновационное развитие имеет в качестве предпосылок реализацию группы факторов, среди которых территориальный занимает ключевое место. Здесь средовые условия имеют территориальные ограничения, что делает инновационную среду, по нашему убеждению, не пассивным, а активным элементом развития, равно как и фактор бизнес-среды или бизнеса.

В эффективной инновационной среде не только мелкие, но и крупные компании, государственные лаборатории, университеты, технопарки, бизнес-инкубаторы, финансовые и правовые институты формируют, принимают и встраивают в социально-экономический процесс и конкурентную стратегию «информацию, знания и науку». Включаясь в единую инновационную сис-

тему, названные элементы формируют вместе с тем инновационную среду для собственного саморазвития.

Литература

1. Вишневский В., Дементьев В. Инновации, институты и эволюция // Вопросы экономики. 2010. № 9. С. 41–62.
2. Ложникова А.В. Рента в условиях модернизации и технологического развития: макроэкономическая и микроэкономическая природа. Томск: ФЖ ТГУ, 2011. 292 с.
3. Регионы России. Социально-экономические показатели, 2011: Стат. сб. / Росстат. М., 2011. 990 с. Р. 22. Научные исследования и разработки. URL: <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/publishing/> (дата обращения: 21.01.2012).
4. Россия и страны мира, 2010: Стат. сб. / Росстат. М., 2010. Р. 12. 3. Наука и технологии. URL: <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/publishing/> (дата обращения: 21.01.2012).
5. Глазьев С. Об альтернативной системе мер государственной политики модернизации отечественной экономики (предложения ученых секции экономики Отделения общественных наук Российской Академии наук) // Российский экономический журнал. 2011. № 4.
6. Региональное развитие: опыт России и Европейского Союза / Рук. авт. колл. и отв. ред. А.Г. Гранберг. М.: ЗАО «Изд-во «Экономика», 2000. 435 с.
7. Михеева М.М. Региональные пропорции экономического роста в России // Регион: экономика и социология. 2008. № 2. С. 225–243.
8. Воронов Ю.П. Рейтинги субъектов Федерации: методические проблемы оценки // Регион: экономика и социология. 2008. № 3. С. 46–66.
9. Брайант Дж., Томпсо С. Основы воздействия СМИ. 2004. Глава 7. Диффузия инноваций. URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/braynt_osnovi/ (дата обращения: 13.01.2012).
10. Bandura A. (1992). Self-efficacy mechanism in psychobiological functioning. In R. Schwarzer (Ed.), Self-efficacy: Thought control of 'action' (P. 355–394). Washington, D C: Hemisphere. Цит. по: Брайант Дж., Томпсо С. Основы воздействия СМИ. 2004. Глава 7. Диффузия инноваций. URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/braynt_osnovi/ (дата обращения: 13.01.2012).
11. Туровский Р. Электоральные геоструктуры в западных демократиях: попытка системного компаративного анализа. HTML-версия документа от 24.01.2012 [09:59:17]. URL: <http://www.electoralgeography.com/doc> (дата обращения: 25.01.2012).
12. Клейнер Г. Системный ресурс экономики // Вопросы экономики. 2011. № 1. С. 89–100.
13. Зубарев В.В. Региональное развитие российской инновационной системы. URL: <http://nisrf.ru/articles/detail.php?id=780> (дата обращения: 08.01.2012).
14. Куценко Е., Тюменцева Д. Кластеры и инновации в субъектах РФ: результаты эмпирического исследования // Вопросы экономики. 2011. № 9. С. 93–107.
15. Коломиец Т.И., Каллас М.С. Роль инновационной среды в процессе формирования инновационной системы высшего образования в России // Вестник Том. гос. ун-та. Сер. Экономика. 2010. № 4. С. 32–39.
16. Готовы к инновациям // Красное знамя. 2010.13 апр. С. 1.